

Цеханович А. Н.

СТРАШНОЕ ДЕЛО
ТАЙНА УТРЮМОГО ДОМА

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Александр Цеханович

**Страшное дело.
Тайна угрюмого дома**

«Public Domain»

1872

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Цеханович А. Н.

Страшное дело. Тайна угрюмого дома / А. Н. Цеханович —
«Public Domain», 1872 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-04053-5

Александр Николаевич Цеханович (1862–1897) – талантливый русский беллетрист, один из многих поденных тружеников пера, чья преждевременная смерть оборвала творческий и жизненный путь в пору расцвета. Он оставил необычайно разнообразное литературное наследство: бытовые и нравоучительные повести, уголовные и приключенческие романы... Цеханович сотрудничал со многими редакциями газет и журналов Санкт-Петербурга, но, публикуясь в основном в периодике, писатель не дождался появления своих произведений в качестве книг. Лишь посмертно, стараниями издателей, его проза была собрана и выпущена в свет. В данном томе публикуются два произведения писателя. Роман «Страшное дело» повествует о грандиозной афере и непреодолимой власти над людьми ее организатора – красавца-гипнотизера. В романе «Тайна угрюмого дома» сходятся злодейство и добродетель, головоломные ухищрения мошенников и торжество аналитиков русского сыска.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-04053-5

© Цеханович А. Н., 1872
© Public Domain, 1872

Содержание

Страшное дело	5
Внезапный арест	5
Окровавленный человек	7
Обыск	11
Допрос преступника	13
Шепот сердца и наветы разума	17
Горе лишает рассудка	21
Приезжие	23
У друга	25
Сестры	29
Любовь и долг	32
Разговор, который приводит Анну в окончательное недоумение	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Николаевич Цеханович

Страшное дело

Тайна угрюмого дома

Страшное дело

Внезапный арест

Сегодня было как-то особенно тихо в воздухе. Вся дачная окрестность пестрела гуляющими. Слышался говор и веселый смех. Где-то вдалеке, словно в воскресный день, таяла гармонь и заливалась песней какая-то разудалая глотка, издали производя, впрочем, довольно приятное впечатление. С недалекой платформы железной дороги слышались звонки, свистки, шум колес, но это было только изредка, чаще же всего кругом царила тишина, нарушаемая только гармонией, песней и смехом молодежи, вразнобой раздающимся то тут, то там.

Достопримечательностью этого дачного местечка и до некоторой степени его историческим памятником была роскошная вилла графа Сламоты. Она стояла над довольно большим озером и издали была чрезвычайно живописна. Вокруг каменного корпуса изящной архитектуры кудрился старинный парк, сбегая по склону к озеру и к полотну железной дороги; красивый контраст берез и сосен с их ажурными верхушками делал вид очень эффектным.

Сюда под вечер на большую дорогу, издали огибающую парк, выходили дачники совершать свои прогулки.

Одиноким старик-богач граф Сламота, однако, не был ни гордецом, ни нелюдимо, иногда парк его отворялся для гуляний, устраиваемых с благотворительной целью, и некоторые из наиболее почтенных дачников имели на все лето право входа в него.

Ближе к сламотовскому парку стояли лучшие дачи, а дальше, к полю, строения были все мизернее и наконец переходили в простые крестьянские лачуги, охотно, впрочем, занимаемые на лето неприхотливыми питерскими бедняками.

В одной из таких полудач-полуизбушек помещалось семейство молодого чиновника Краева, состоящее из него самого, жены, двух детей и девочки-прислужницы.

Краев всего три года назад окончил университет и всего два года находился на государственной службе, чая много в будущем, но зато питаясь почти одними надеждами в настоящем.

Татьяна Николаевна, жена Краева, белокурая голубоглазая дамочка в каком-то простеньком, но очень миловидном капотике сидела за чайным столом, поставленным прямо в саду, за неимением балкона, и разливала чай.

Сережа, четырех лет, и Маня, трех, торчали на высоких плетеных детских стульях; между ними стояла девочка лет пятнадцати – розовощекий деревенский подросток.

Павел Павлович Краев сидел напротив жены и задумчиво попыхивал папиросой, глядел куда-то в поле, расстилающееся сейчас же за дачей, и только изредка прихлебывал из остывшего стакана.

Дети лепетали между собою, Татьяна Николаевна облокотилась на край стола и, подперев голову, задумчиво глядела на профиль мужа.

Вечер был великолепный.

Ветки деревьев, справа и слева свесившиеся над столом, по неподвижности своей походили на сплошное изваяние с листьями.

В них было тоже что-то задумчивое, они тоже как будто мечтали о чем-то или дремали первой сладкой грезой.

– Так ты думаешь, мне сегодня же пойти на станцию и отдать? – спросил Краев у жены.

– Конечно, чем скорее, тем лучше. Мало ли что может случиться, ведь наконец это же не деньги, – кто потерял, тот, наверно, знает их нумера. Жаль, что ты не отдал тотчас же на вокзале жандарму.

– Я хотел тебе показать свое счастье, ведь все равно треть мне причитается, а это целый капитал, тысяча с чем-то.

Но Татьяна Николаевна, вместо того чтобы выразить радость, как-то тяжело вздохнула.

– Не радуется что-то меня эта находка, – сказала она. – Ты не поверишь, когда ты принес сегодня этот бумажник, когда рассказал, как нашел его, мне словно в сердце что кольнуло. Ведь это несчастье другого.

– А, какие глупости! – махнул рукой Краев, но вдруг и сам почему-то нахмурился, и у него что-то неладно стало на душе.

«И в самом деле, Таня права, – думал он. – Таня, как и всякая женщина, верно судит, надо было отдать тотчас же жандарму, составить о находке протокол при свидетелях, и кончено, а я сунул в карман и, озираясь, как вор, прибежал домой с находкой».

И он начал припоминать, какие именно обстоятельства заставили его поступить так.

Хотелось ли ему поразить приятной неожиданностью Таню, или он просто пожадничал и сам не знал, что делает, озираясь и крадучись, как вор со своей находкой. Вышло же нехорошо.

Потерял, верно, кто-нибудь из здешних дачников, и, вероятно, бедняга мучается и терзается сегодня и будет терзаться всю ночь. Еще бы, пять тысяч акциями, ведь это целый капитал.

По проулочку между дачами раздались поспешные шаги нескольких человек. В тишине вечера они прозвучали как-то особенно отчетливо.

И странно, услышав их, Краев вздрогнул и оглянулся, вздрогнула и Татьяна Николаевна.

Но что это такое в самом деле?

Впереди идет жандарм, за ним пятеро местных крестьян-дачевладельцев и среди них неизвестный человек с окровавленным лицом и руками, в порванной одежде.

Все они идут прямо к даче Краева.

Вот подошли к калитке, отворили ее, вошли в садик, и жандарм, указывая на Краева, спросил у окровавленного и оборванного человека:

– Этот?

– Да, он! – сказал окровавленный человек.

Тогда жандарм громко спросил у Краева:

– Где деньги, которые вы украли?

– Деньги? Какие деньги? – бледнея и чуть не теряя сознания, пробормотал Краев. – Может быть, билеты, я их нашел. Да пустите мои руки, я вам сейчас их достану, они тут, в боковом кармане!

Жандарм сунул руку в карман и вытащил бумажник, который он, Краев, нашел в вагоне.

– Этот? – спросил он у окровавленного человека.

– Этот! – отвечал он.

– Ведите! – скомандовал жандарм, и Краева окружила толпа, заставляя идти куда-то.

Он слышал, как вскрикнула жена, как что-то упало со стола, как разом от испуга закричали дети, он хотел рвануться, кинуться к ним, узнать, что такое там случилось, но его подхватили под руки и повели еще быстрее. Кругом стала скопляться толпа, из каждой дачи к ней прибавлялось по два, по три человека, и наконец он оказался в центре говоривших о графе Сламоте и управляющем его Шилове, которым и оказался тот самый окровавленный человек, который указал на Краева, как на вора.

Окровавленный человек

Старый холостяк, граф Сламота был один из тех людей, которые, несмотря на свою внушительную и представительную наружность, бывают иногда очень мягкого и легко поддающегося влиянию характера.

Старик имел строгий взгляд, горбатый нос и густые нависшие усы, но глаза его глядели добродушно и губы часто складывались в полудетскую улыбку.

Такие люди, как он, имеют еще особенность пристрачиваться к той или другой личности из окружающих и совершенно незаметно для себя подпадать всецело под ее влияние.

Граф Виктор Казимирович вел жизнь уединенную и домоседскую. Когда-то в молодости он много путешествовал, много имел очень интересных и пикантных авантур, но одна из них, как рассказывали знавшие его, начавшись очень весело, окончилась для графа трагически.

Он неудачно влюбился и с тех пор возненавидел женщин до сумасшествия.

Гуляя, например, он готов был дать сколько угодно крюку, чтобы обойти шедшую ему навстречу женщину, в особенности если она была молода и красива.

Над этим чудачеством его, благодаря общему добродушию его характера, подшучивали многие из дачниц, ставя его иногда в комически безвыходное положение.

Одна эксцентричная и очень красивая дама, например, преследовала его целое лето, как-то неожиданно набредя на случай к знакомству.

Старый джентльмен не мог отказать женщине в поклоне и вежливой улыбке, и она этим пользовалась, переходя к разговорам, от которых он никак не мог уклониться.

Делами Сламоты управлял на самых широких полномочиях некто Дмитрий Александрович Шилов, человек, про наружность и душевные качества которого стоит сказать несколько подробнее.

Это был сын старого товарища графа, прокутившегося, проигравшегося в карты и умершего где-то в уездном клубе от удара, вследствие проигрыша крупной, да кстати сказать, и не совсем чистой ставки.

Граф Сламота поддерживал сына приятеля в университете после того, как юноша явился к нему с просьбой о помощи, и рассказал о судьбе отца, а потом, когда тот блестяще окончил курс, видя в молодом человеке необычайную, не по летам, солидность и деловитость, взял его к себе сперва секретарем и потом сделал и управляющим. Место у графа было настолько прочно и выгодно, что Шилов не поступил даже на коронную¹ службу, объявив старику, что с него довольно будет и сознания верной и полезной службы его сиятельству.

До начала нашего рассказа Шилов прослужил уже у графа семь лет и в это время сумел настолько изучить характер своего патрона и так всецело завладел им, что старик, сам того не замечая, очутился в руках у своего управляющего, как ребенок в руках у гувернера.

Шилов и действительно был один из редких типов.

Казалось, у этого человека не было никаких отличительных качеств, или они скрывались за какою-то каменной оболочкой замечательной красоты и оригинальности.

Теперь, когда Шилову было уже тридцать лет, он имел густую черную эспаньолку, густые черные усы, концами вверх, темные таинственные глаза под прямыми бровями, белый высокий лоб и длинный, тонко очерченный нос. Курчавые волосы его вились обыкновенно крупными, красивыми прядями, но дня за два до начала рассказа нашего он коротко остригся: как говорил, по поводу летней жары.

Теперь лицо его приняло уже окончательно дьявольское выражение, но в особенности поразительна была его улыбка, хищная и вместе с тем обольстительно прекрасная.

---

¹ То есть государственную службу в департаменте.

Шилов всегда говорил тихим, ровным голосом, как бы сдерживая силу своего густого грудного баса.

Да и во всем остальном, начиная с движений его и кончая поступками, виднелась та же скрытность, та же сдержанность, близко граничившая с таинственностью.

Когда он говорил, его нельзя было не слушать, когда он доказывал что-нибудь, нельзя было не соглашаться.

И граф всегда соглашался со всеми его предложениями, тем более что успел уже убедиться неоднократно, что советы Шилова были ему полезны и благотворно отзывались на дальнейших делах.

Он был скуп и, как всегда бывает при этом, недоверчив, так что Шилову приходилось потратить много умения, прежде чем заслужить окончательное доверие своего патрона.

И он заслужил его в последние два года, и пользовался им довольно широко, что и будет видно из дальнейшего рассказа.

Утром, в день ареста чиновника Краева, Шилов, после долгой аудиенции у графа, должен был взять со счета в банке сто тысяч и перевести их, по его же собственному совету, в другой банк на большие проценты.

Выехал Шилов с утренним поездом, а возвратиться должен был с семичасовым вечерним.

В городе было много других дел по заводу графа, так что старик ожидал любимца и доверенного к вечерней закуске.

Сламота на даче вел деревенский образ жизни, то есть обедал в двенадцать и закусывал в 7–8 часов вечера.

Иметь в руках такую крупную сумму Шилову приходилось сегодня в первый раз.

Прощаясь утром с графом, перед отъездом в город, он имел какой-то особенно непроницаемый и внушительный вид.

Сламота даже полюбовался на своего управляющего – так много было в нем представительности и важности.

День был чудный, с утра началась такая жара, что Сламота, улыбаясь, сказал Шилову:

– Вы и тут, Дмитрий Александрович, предугадали?

– Насчет чего это, граф?

– А постриглись.

– Ах да... что жарко-то? Да, знаете, так легче. – И он провел рукой по голове.

– Так вам, кажется, еще больше идет, – заметил граф.

Шилов улыбнулся и, поклонившись своим обычным изящно-солидным поклоном, вышел.

– Так в семь с половиной будете? Я новую настоечку выну... ту, золотистую? В ней замечательный секрет! Вот вы увидите.

Шилов еще раз улыбнулся, как улыбается занятой гувернер болтливому ребенку, и вышел на лестницу, ведущую в парк, а оттуда на длинную тенистую аллею, тянущуюся вплоть до самого вокзала.

Аллея эта делала несколько изгибов по довольно густому и старому бору, принадлежавшему графу Сламоте.

Зимой и в темные августовские ночи это место не пользовалось хорошей репутацией.

Каждый год тут совершались грабежи, и поэтому дачники избрали себе другую, более людную и оживленную дорогу.

Ожидая своего управляющего, граф не столько интересовался его остроумной операцией, сколько скорейшим возвращением его самого, потому что сегодня он первый раз возвращался так поздно, и без него графу положительно было скучно. Одиноким старик в конце концов привязался к Шилову как к родному сыну и, несмотря на существование довольно зна-

чительной, но далекой родни, уже подумывал об оставлении ему значительной части своего громадного состояния.

Впрочем, Шилову эти затаенные мысли графа были неизвестны, потому что они и у самого графа являлись только в форме неясных предположений.

Чем более приближалось время прихода поезда, тем чаще поглядывал граф на часы, ходя по столовой около стола, накрытого на два лица. Граф был почему-то в особенности весел сегодня.

Очевидная прибыльность операции, предложенной Шиловым, была тоже причиной этому.

«И ведь как он, шельма, додумался до этого перевода, – думал Сламота, – другой бы и не догадался, другому бы и горя мало. Нет, положительно этот человек клад для меня».

Однако, вынув в последний раз часы и убедившись, что урочный час на езду или ходьбу (Шилов всегда в хорошую погоду ходил пешком до станции и обратно) уже прошел, и значительно прошел, граф заволновался.

В первый раз он так неаккуратен, но, может быть, задержало что-нибудь!.. Но вот прошло еще четверть часа, час, полтора... Сламота всполошился.

Это уже было слишком! Пришел второй поезд, а Шилова нет.

Он велел лакею сойти вниз и поглядеть в глубь аллеи, не идет ли Дмитрий Александрович с этого поезда.

Но лакей, вернувшись, заявил, что не видать. Прошло еще двадцать минут, и вдруг в нижнем этаже в вестибюле лестницы раздался шум голосов. Сламота испуганно кинулся туда, впервые в своем доме услышав этот неожиданный шум.

Быстрыми шагами сошел он с лестницы и, не доходя до последней площадки, остановился как вкопанный от изумления и испуга.

Перед ним в толпе слуг стоял окровавленный Шилов.

Платье его было истерзано и изорвано, руки тоже окровавлены, сбоку на теле также виднелась кровь, проступившая и на прорези платья...

– Ограбили, граф! И чуть не убили!.. – сказал он, но все-таки своим обычным, почти спокойным голосом.

– Что с вами-то? – кинулся Сламота.

– Изранили, негодяи... Только не смертельно, кажется, даже наверно, потому что я одного из негодяев успел выследить... и уже он арестован. Одно жаль, что, пока я ходил за понятиями и за полицией, негодяи успели скрыть все деньги... при нем нашли только пять акций...

Сламота был сильно поражен и известием о пропаже ста тысяч, и этим ужасным видом своего любимца.

– За доктором! – крикнул он двум лакеям, кучеру, конюху и садовнику, толпившимся в передней.

Двое из них быстро скрылись, а Сламота и старик, камердинер его, под руки повели раненого наверх в его комнату.

Осмотрев раны на руках и одну царапину на груди, Сламота убедился, что они пустячны, но зато, созерцая их, и без рассказа мог себе представить, как яростно было нападение и как отчаянно защищался Шилов.

В особенности сильно была порезана правая рука.

– Ею чаще всего мне приходилось хвататься за нож, – рассказывал Шилов. – Я сам не знаю, каким чудом я спасся. Было это так: я шел по аллее, ничего, конечно, не подозревая, вдруг в том месте, где три дуба выступают и дорога сворачивает, выскочили человек шесть и все кинулись на меня... Нескольких я свалил ударами, но тут сверкнули два ножа. Я дрался как лев и благодаря этому, может быть, остался жив. Их задача, очевидно, была выхватить

деньги... И это им удалось, затем они бросились врассыпную, передав деньги одному, который побежал полем. Я сперва упал от нанесенных мне ударов, а потом, когда злоумышленники разбежались, я все-таки, не теряя из виду того, который скрылся с деньгами, бросился за ним... И представьте, граф, это – один из здешних дачников, некто Краев, как оказалось. Он теперь арестован и с первым поездом будет отправлен в Петербург. При нем в качестве улики нашли пять билетов, как я вам сказал, остальные деньги не найдены... Не знаю, что покажет обыск, который произведут сегодня ночью... на даче... у жены негодяя.

Граф Сламота слушал этот рассказ, и все больше и больше морщин собиралось на его лице. Жаль было ему и денег, но еще, пожалуй, больше жаль Шилова, который в это время открыл рубашку и обнаружил на груди довольно значительный порез.

К счастью, нож злодея скользнул по ребрам, а воткнувшись, он непременно поразил бы в сердце!..

Обыск

В то время как доктор перевязывал раны Шилова, на станционном перроне происходила ужасная драма.

Очнувшись от обморока и припомнив все случившееся, Татьяна Николаевна бросилась в ту сторону, в которую, по указанию девочки-прислужницы, увели ее мужа. Ничего не видя перед собой, несчастная женщина добежала до вокзала и здесь по густо собравшемуся народу узнала, что муж ее тут.

Он сидел на скамейке, низко опустив голову. С боков стояли два жандарма, зорко следя за каждым его движением.

Справа и слева стояла густая толпа, в которой шли громкие толки о случившемся.

Какой-то мужичок, стоя позади других, приподнялся на цыпочки, поглядел на Краева и сказал:

– Э-э-эх! Сердечный! С голодухи, верно!..

И действительно, арестованный имел очень жалкий вид.

Наскоро одетый котелок сполз на затылок. Белокурые пряди волос прилипли к потному лбу, рубашка была смята, а руки бессильно лежали по обе стороны, как парализованные. Время от времени он поднимал какой-то тусклый, остекленевший от ужаса взор и обводил им публику.

Такой взор бывает у осужденного на смертную казнь во время его последнего шествия.

Вдруг он вскочил со скамейки, как бы забыв о присутствии толпы и жандармов, вскочил и закричал:

– Нет! Что это?... Сон!..

– Хорош сон! – отозвался кто-то в толпе. – Свистнул больше ста тысяч, да и сон!..

Краев не слышал этого замечания. Он насильно был посажен жандармами на скамейку и опять погрузился в свое оцепенение.

В это время толпа разом с двух сторон расступилась.

С одной стороны появился граф Сламота, а с другой – жена арестованного.

Татьяна Николаевна с криком кинулась к мужу, упала на колени перед ним и, ломая руки, стала звать к нему:

– Поля! Поля, что ты сделал? Поля!

Краев схватился за голову и истерически зарыдал, повторяя:

– Не знаю!.. Не знаю!.. Ничего не знаю!

– Ловко валяет дурака! – сказал кто-то.

– Стыдитесь! – внушительно ответил другой голос, и наступила гробовая тишина.

Сламота стоял, уронив руки, и с побледневшим от волнения лицом глядел на эту сцену.

Он пришел один взглянуть на преступника, потому что раненый Шилов был уложен в постель.

Преступник показался графу настолько жалким, что сердце его невольно переполнилось состраданием.

Дорого бы дал он, чтобы иметь возможность помочь этому несчастному, быть может по крайней нужде принявшему участие в грабительской шайке.

Но что он мог для него сделать теперь?

Нелицеприятный закон строго осудит его, не входя в те причины, которые побудили его пойти на преступление.

Слезы навернулись у старика на глаза, когда он увидел Татьяну Николаевну, бросившуюся перед мужем на колени.

Он не мог вынести более этой тяжелой сцены и отошел. Вскоре молодую женщину отделили от мужа и попросили вернуться домой для обыска, который должен был быть сделан на даче.

Но этот обыск не привел ни к каким результатам.

Никаких денег не было найдено, а ровно и ничего подозрительного в отношении к настоящему делу.

Татьяна Николаевна рыдала, сидя на крыльце дачи и обхватив руками обоих малюток. Мысли ее мутились; она положительно не понимала, что вокруг нее творится.

Допрос преступника

Прошло два дня.

Краев сидел в камере предварительного заключения, в том мрачном здании, которое ютится позади окружного суда.

Комнатка была крошечная, с меловыми стенами и окном, заделанным решеткой и выходящим на двор.

Стены были так толсты, что дверная ниша походила на грот.

Всю меблировку комнаты составляли кровать с жиденьким матрасом и серым одеялом да стол с табуретом.

В двери была проделана квадратная форточка, с решеткой и стеклом. Сквозь нее то и дело заглядывала в камеру усатая физиономия часового и сверкал конец сабли.

Краев лежал на постели, устремив глаза в одну точку на потолке.

Лицо его было бледно и имело какое-то странное, тупое выражение.

Такое выражение недаром называют ледяным. Вода замерзла, когда-то зыблистые струи застыли, но внизу, под этой пленкой, вода продолжает двигаться и колыхаться.

Так двигались обрывки мыслей и ощущений в голове Краева. Он силился сообразить, что такое случилось с ним, и ничего не мог надумать. Чувствовал только, что случилось что-то ужасное, фатальное, неотразимое, с чем всякая борьба бесполезна, и что нужно предоставить судьбу на волю того же рока, который все это устроил.

Эти два дня Краев провел как в полусне. Он отвечал на вопросы, предложенные ему следователем, так коротко и неправильно, что последний, видимо, усомнился даже в его умственных способностях.

Да и действительно, Краев был на волоске от помешательства. Например, сегодня ночью с ним случилось что-то странное. Он видел во сне, что он у себя дома.

Чудный летний вечер. Жена и дети сидят с ним перед чайным столом.

Они толкуют о прибавке к жалованью, которая уже была обещана начальством.

Они строят веселые планы на будущее, и нет в эту минуту среди них никаких толков про билеты, про находку. Они счастливы своим скромным трудовым счастьем.

Вечер такой чудный, таким покоем полно все вокруг, так задумчиво висят ветки в неподвижном воздухе.

Листок не шелохнется.

Вдруг...

Он проснулся, вскочил на койке, огляделся и начал хохотать. Почему именно хохотать, а не плакать?...

Он хохотал, хохотал с каким-то диким наслаждением, пока не пришел часовой, а потом фельдшер. Этот последний дал ему, кажется, валерьяну и положил компресс на голову.

После компресса он опять забылся, опять видел жену и детей, но теперь уже история с билетами и все ужасы ареста участвовали в его сновидениях.

Он начал привыкать к своему положению. У него даже начали являться радужные надежды, что все скоро разъяснится и он опять будет свободен, опять там, на даче, около детей и Тани.

И от этих мыслей ему стало легче, он скинул компресс и, подняв глаза к потолку, придал своему лицу стоически выжидательное выражение.

Он и действительно выжидал, что будет дальше.

Ведь если на земле есть правосудие, то не могут же ни в чем не повинного человека схватить, бросить в каземат и там оставить и забыть.

Ведь будет же еще какое-нибудь следствие?

И как будто в подтверждение этой мысли дверь заскрипела засовом, отворилась, и в комнату вошли двое солдат с шашками наголо. Его повели на допрос.

Проведя по широкому, но мрачному коридору, по обе стороны которого виднелись двери с решетчатыми оконцами, Краева ввели в какую-то камеру, где за покрытым зеленым сукном столом сидел довольно молодой человек, хотя немного лысоватый, что характеризовало его как человека не особенно пуритански проводящего жизнь.

Когда этот господин поднял голову, лицо его оказалось слегка обрюзгшим и не выражало ровно ничего, что бы могло говорить о его уме или способностях.

Это было лицо светски утомленного и пресыщенного человека.

Он окинул фигуру Краева апатичным взглядом и, надев пенсне, обратился к другому господину, сидевшему за другим столом у окна:

– Показания нужно записать как можно точнее.

Затем он провел ладонью по лицу и, еле удерживаясь, чтобы не зевнуть, обратился к Краеву:

– Вы продолжаете утверждать, что вы нашли деньги, оказавшиеся при вас?

– Конечно! – заторопился Краев. – Я ехал в вагоне...

– Позвольте! Отвечайте только на вопросы.

Следователь потянулся к какой-то бумаге и, опять надев пенсне, прочел:

– Показание Шилова таково:

«Было около восьми часов вечера. Я проходил по слаотовскому парку, имея в боковом кармане бумажник со ста тысячами рублей облигациями и кредитными билетами, с тем чтобы на завтра перевести их в другой банк на более выгодные проценты или же употребить на хозяйственные нужды по имуществу моего доверителя, графа Виктора Казимировича Сламоты, что мы и должны были решить в этот вечер совместным обсуждением.

В расстоянии приблизительно сажень двучот от станции и, стало быть, в таковом же расстоянии и от дома графа, в том же месте, где дорога сворачивает и дробится на несколько проездов, на меня напали неизвестные злоумышленники количеством семь или восемь человек, повалили, нанесли несколько ударов ножом, к счастью не имевших для меня роковых последствий, а только причинивших легкие резаные раны, и затем, полагая, что я избит и ранен более или менее серьезно, бросились врассыпную.

При этом я заметил, что деньги, то есть бумажник с ними, был быстро передан одному из сообщников, который побежал в одну сторону, а остальные в другую.

Я следил за ними глазами, лежа на земле, но как только остальные грабители достаточно удалились, я вскочил на ноги и, еле поспевая, издал попытался следовать за тем, которому были переданы деньги.

Меня скрывали частью кусты, частью высокая трава. Я видел, как неизвестный убавил шаг и вскоре совершенно спокойно вошел в одну из окраинных дач. Тогда я поспешил на вокзал, чтобы взять понятых и жандарма».

– Дальнейшее видно из протокола! – продолжал следователь, откидывая одну бумагу и беря в руки другую.

– В протоколе констатирован факт находки у вас того самого бумажника и номеров билетов, которые известны Шилову и графу Сламоте. Поэтому... – следователь прищурился и поправил пенсне. – Поэтому предлагаю вам лучше сознаться, потому что за добровольное признание всякая вина получает меньшее воздаяние по закону, а за заперительство – наоборот.

– Господин следователь! – дрожащим голосом произнес Краев. – Это наглая ложь! Это клевета! Я ничего подобного этому не знаю. Я нашел эти деньги в вагоне.

– Вы продолжаете утверждать?

– Да!

– У вас есть на это доказательства? Свидетели?

– Нет, к несчастью, вагон был почти пуст; я перешел в него, когда его прицепили на второй станции от Петербурга. Там на лавке только спал какой-то парень и в дальнем углу сидела компания купцов и громко разговаривала. Вся моя вина, что я не показал моей находки им или жандарму на следующей станции, где я жил.

Следователь иронически улыбнулся:

– Для чего же вы этого не сделали, если вы действительно нашли? Ведь вы знаете закон о находках?

Вместо ответа обвиняемый зарыдал.

– Это не аргумент! – сказал следователь. – Слезы – плохая защита для человека, против которого есть неопровержимые улики. Так вам не угодно сознаться и указать, где остальные деньги?

– Остальные деньги! – всплеснул руками Краев. – Клянусь Богом, что не знаю никаких, кроме этих билетов, найденных мною.

– Ложные клятвы увеличивают степень преступления, – внушительно заметил следователь.

В ответ на это был второй взрыв рыданий.

Следователь пожал плечами и затем мигнул солдатам. Один из них тронул Краева за плечо, скомандовал:

– В камеру!

Краев задрожал:

– Господин следователь!.. Ей-богу, я вам клянусь... что...

Следователь сделал второй, более энергичный жест, и несчастного увели.

По уходе арестованного помощник, сидевший у окна, положил перо и сказал с пафосом:

– Но знаете, Александр Павлович, что этот субъект плачет чрезвычайно искренне. Это или невиновный человек, или актер, достойный лучшей европейской сцены.

– Невиновный? – едко спросил следователь. – Нет, ваше последнее предположение гораздо вернее.

– Вы думаете – актер?

– Иначе и думать нельзя! Да вы только представьте себе следующее: вы кладете ваш бумажник на стол и уходите, потом возвращаетесь – и его нет, вы прямо заявляете на меня, у меня бумажник находят... а я, начиная рассказывать, что, когда я шел по улице сюда, я его нашел и прочее...

– Да, оно, пожалуй, и так, но знаете, есть во всякой человеческой натуре то, что невольно выдает ее.

– Это совершенно верно. Я сам имел случай наблюдать это, но согласитесь, что в данном деле всякие психологические наблюдения могут только осложнить и запутать дело, по основе своей совершенно ясное и вполне положительно построенное. Злоумышленники, зная, что Шилов должен будет пронести известную сумму в такой-то час от семичасового поезда, пользуются его странностью всегда ходить пешком от вокзала до дома графа и нападают.

Это, наверно, какие-нибудь отчаянные головорезы, для которых подобное предприятие представлялось весьма жирным и лакомым куском.

Весьма возможно, что Краев вовлечен в эту шайку по легкомыслию или же вследствие нужды, которую терпел он, вероятно, потому, что с его окладом семейному человеку жить почти невозможно, но как бы там ни было, какие бы впоследствии ни нашлись смягчающие

обстоятельства, в настоящее время перед лицом предварительного следствия он является злоумышленником из шайки грабителей, пойманным с поличным. Не правда ли?

– Совершенно верно! – поддакнул помощник.

– Далее. Если его сообщники или найдутся сами, или он надумает их выдать, там уже может быть установлена относительная качественность преступности, и весьма возможно, что этот несчастный не так дорого поплатится, как в том случае, если ему вздумается играть эти слезные комедии и запираяться. Не правда ли?

– Совершенно верно.

– Наконец, убеждает еще следующее обстоятельство. Вы слышали, что говорил дачный хозяин? Какая поразительная точность во времени; я сам был на месте и лично проверил детали. В тот момент, когда он вошел в дачу, раненый Шилов задами тащился к вокзалу. Преступник в это время успел пообедать и выпить стакан чаю. Всего прошло около часу.

Помощник и с этим согласился, но молодое лицо его подернулось тенью думы. Мольба и вопли несчастного так и звучали в его ушах, и в них было столько искренности, столько естественного ужаса и правдивости, что он пожал плечами и, чтобы окончательно скинуть с себя неприятное впечатление, закурил папиросу.

Шепот сердца и наветы разума

Супруги Краевы не были влюбленной парочкой.

И тот и другая, рано предоставленные самим себе и вынужденные более заботиться о насущном, чем предаваться мечтательности, сохранили в себе только единственное сознание строгого отношения к жизни и ее условностям.

Несмотря на молодые годы, это, можно сказать, был союз отсталых людей.

Новые веяния и новые взгляды на свободу отношений мужчины и женщины не нашли отголоска в сердце Татьяны Николаевны.

С того самого дня, когда Краев зашел в бельевого магазин, где она работала поденно, чтобы купить себе пару манжет и воротничок, с того самого момента, когда Павел Павлович пристально поглядел на нее, а она смущенно вспыхнула, все между ними было решено. Он в знакомстве с ней увидел не интрижку с белошвейкой, и она за это полюбила его, потому что никогда ни за какие блага не решилась бы ни с ним, ни с кем другим вступить в легкомысленные отношения.

Она чувствовала, что высоко чтит свое женское достоинство, и в этом-то и была ее отсталость от века, где страсть и увлечение возводятся на пьедестал, к которому приносятся чуть не ежедневные жертвы.

Она знала, что может быть только женой, в любовницы не годится, таков был у нее склад характера, таковы взгляды.

Павел Павлович, несмотря на то что ему в ту пору было всего двадцать четыре года, был того же мнения. Он считал постыдным делать из женщины наложницу, когда можно решить проще, сделав ее женой, сравнив правами с собой, да и детей ее считая своими.

Ведь только этим, кажется, и отличается человеческая пара от всех прочих пар фауны, где процветает «свободомыслие», вернуться к которому толкают передовые мыслители.

Если женщина нравится, если у нее милое, честное личико и такая же репутация, то, стало быть, судьба сталкивает его с нею не для пошленькой и гнусной историйки, а для чего-то более серьезного – так рассудил Краев. Он и Татьяна Николаевна к тому же были оба круглые сироты, обоим жилось несладко и обоим показалось, что хоть в моральном, по крайней мере, отношении вдвоем им будет жить легче.

Решили они и сделали.

Тогда еще Краеву оставалось два года университета. Но он надеялся на уроки, а потом место, служба, – как-нибудь и выкарабкаются.

Трудно временами, тяжело было, но оба они были молоды, а молодость живет всегда под крыльями надежды.

И мало-помалу его скромные желания уже начали выполняться... к пятидесяти рублям прибавили еще двадцать пять, начальство отметило скромного и умного труженика, были уже шансы и к более заметному повышению. Поверив в близкое счастье, Татьяна Николаевна даже пополнила немного, и побледневшие было щеки ее опять вспыхнули румянцем, и вдруг... Вдруг... все это рушилось, да так ужасно, словно дикий кошмар, а не жизнь, окружил бедную женщину.

В первый день она свалилась в постель, с ней сделался припадок-столбняк, она лежала, будто неживая.

Глядела на детей и не видела их. Гладила их головы, слышала их лепет и не понимала, рука ее заученным машинальным жестом дотрагивалась до них.

Ночь на второй день она спала, а наутро не встала, а вскочила с постели.

Девочка-прислужница чуть не бросилась бежать, увидя искаженное, покрытое багровыми пятнами лицо барыни.

Татьяна Николаевна быстро собиралась куда-то, она оделась, причесалась, бормоча одну фразу:

– Нет, этого не может быть!..

Затем она ушла, приказав девочке неотступно смотреть за детьми до ее прихода, а придет она скоро.

Было ясное теплое утро.

На листьях и на траве еще дрожали слезинки росы, все вокруг улыбалось этой чудной улыбке утра после мгlistой и дождливой ночи, которая походит на улыбку сквозь слезы на лице капризного, но милого ребенка.

Татьяна Николаевна теперь, казалось, окончательно пришла в себя.

Какой-то прилив энергии чувствовался в каждом ее движении.

Она шла бодро, высоко подняв голову, глаза ее блестели, и не будь этих пятен на лице, этих признаков страшной внутренней борьбы, ее можно было бы счесть за очень счастливую женщину, наслаждавшуюся утренней прогулкой.

Сперва она отправилась на станцию и послала сестре телеграмму такого содержания:

«Со мной страшное несчастье, приезжай скорей.

Твоя Таня».

Отослав эту телеграмму среди шепота и улыбок на вокзале, Татьяна Николаевна углубилась в слаотовский парк.

Тихо шептались столетние сосны, березы и ели.

Ароматная прохлада опахивала разгоряченное лицо Татьяны Николаевны, и глубокая тишина как бы немного утоляла невыносимую боль души.

Татьяна Николаевна шла быстро.

Она думала теперь, придет ли Анна. Такой ли она человек, какой себя показывает, и так ли она любит ее, как уверяет в письмах.

Анна Николаевна Болховская была дочь отца от второго брака и всего на год младше Татьяны Николаевны.

Она жила в доме тетки по матери, а в этом году, к началу августа, должна была все равно приехать в Петербург, чтобы поступить на акушерские курсы.

В последний приезд свой Анна очень понравилась Татьяне Николаевне.

Она выглядела героиней; она так хорошо, так умно говорила; она была так прелестна, у нее такие чудные глаза, такие пышные, тяжелые волосы.

Кто ни видел Анну, все влюблялись в нее, но она отвечала на искательства своей кривой, немного презрительной улыбкой.

«О, она, наверно, не покинет меня в моем страшном горе!» – думала Татьяна Николаевна, и ей казалось, что с приездом Анны все изменится к лучшему, все разъяснится, она, не кто иной, как она, распутает этот адский клубок, она оправдает бедного Павла!

Теперь же Татьяна Николаевна шла на ужасную встречу.

Она верила в свой инстинкт, она хотела видеть того, кто обвинил ее мужа, хотела вынудить его на очную ставку.

Сперва она бросится на колени перед графом, уприсит его заставить своего управляющего еще раз в лицо сказать ей то, что он говорил властям.

Это была дикая, ужасная выходка, но что же делать, если немая сила влекла ее на это свидание, как будто в нем именно и заключалась разгадка всего страшного происшествия.

От возрастающего волнения Татьяна Николаевна шла все быстрее и быстрее.

Вдруг она вздрогнула и остановилась, почти лицом к лицу столкнувшись со стариком в белом летнем костюме и широкополой панаме, надетой немного набок.

Типичное красивое лицо его с горбатым носом и седой эспаньолкой дышало добродушием и той старческой свежестью, которая характеризует с хорошей стороны всю пройденную жизнь. В руках старика была тростниковая палка с серебряным набалдашником, а руки – в перчатках. Это был граф Сламота.

Татьяна Николаевна видела его раз, когда он подъезжал к вокзалу в коляске, видела очень близко, потому что вошли вместе и он в дверях уступил ей дорогу.

Она тогда же рассказала мужу про эту встречу, и долго потом вспоминалось ей славное, типичное лицо старого аристократа.

Татьяна Николаевна теперь опять стояла лицом к лицу с ним, на расстоянии каких-нибудь двух шагов.

На лице графа застыло выражение смущения.

Он видел, что глаза незнакомки (впрочем, как будто и знакомой, он видел ее где-то) прямо устремились на него и в них светились испуг, мольба и даже ужас.

Еще напряг старик память, чтобы припомнить, где он видел это лицо, и вдруг, вспомнив, вздрогнул.

Это была та женщина, которая на станции стояла на коленях перед арестованным мужем.

С полминуты оба стояли молча, глядя друг на друга.

Грудь Татьяны Николаевны высоко вздымалась от волнения, а граф не имел силы пройти мимо несчастной, сделав вид, что не замечает ее. Да и куда же она идет?

Она шла уже по той дороге после перекрестка, откуда путь только вел к подъезду сламотовского дома.

Стало быть, она имеет какое-нибудь дело к нему?

И, не пускаясь в догадки, какое это дело, чувствуя только прилив жгучего сострадания к этой несчастной и теперь, видимо, растерянной женщине, граф мягко спросил ее:

– Вы не ко мне ли, сударыня?

– Нет, граф! – дрожащим от волнения и слез голосом отвечала Татьяна Николаевна. – Я к вашему управляющему.

Лицо графа сразу изменилось.

Седые брови его вздрогнули, и голова выжидательно опустилась.

– Зачем? – так же тихо спросил он.

– Я жена Краева, граф... Вам ведь все известно. О! Граф!

Татьяна Николаевна упала на колени, и Сламоте больших трудов стоило поднять ее.

– Граф, – задыхаясь, говорила она, – прикажите вашему управляющему принять меня... я хочу... Я должна говорить с ним с глазу на глаз. Я молю вас об этом. Я все равно сперва бы просила видеть вас, потому что он, наверно, не примет меня!..

– Но зачем вам это свидание? Оно только еще больше расстроит вас и ничуть не поможет делу.

– О нет! Это поможет мне! Поможет душе моей. Оно облегчит ее.

Граф пожал плечами.

Уже чересчур странно было то, что говорила эта женщина.

На минуту в голове Сламоты мелькнула даже мысль, с добрым ли намерением идет она, не план ли мести обдуман ею. Не спрятано ли у нее орудие этой мести?

– Послушайте, госпожа Краева, – вдруг как-то особенно мягко и задушевно сказал старик, пристально перед тем поглядев на молодую женщину. – У вас есть дети! Вы ради них должны совладать с своим горем. Если ваш муж решился на такой шаг, то вам надо стараться примириться с ожидающей его карой и обратить всю любовь свою на детей ваших.

– А его бросить? Забыть? Предоставить судьбе?

– Да.

– От вас ли я это слышу, граф? Вы, о котором вокруг идет такая хорошая молва, вы, делающий столько доброго... и вы говорите, чтобы жена забыла мужа в несчастии... в страшном несчастии, обрушившемся на него незаслуженно?... Да знаете что, граф, сердце мое говорит мне, что он не виновен... я знаю его... Он не мог сделать этого, тут что-то ужасное, замешалась какая-то тайна.

– Что? – спросил граф и даже сделал шаг назад.

– Да, да, я твердо уверена! И вот за этим-то я и иду... Я хочу только поглядеть в лицо вашего управляющего и на нем прочесть, правду ли он говорит. Правда ли он видел моего мужа среди злоумышленников. О! Я прочту на лице его все, что мне нужно. Вы знаете, граф, когда человек находится в таком состоянии, как я, он может читать мысли другого. Я знаю, что вы думаете, вы боитесь, что я хочу отомстить Шилову, может быть, убить его? Ха, ха, ха! Нет, нет. Пусть Бог сам его убьет, коли он заслуживает этого! Мне же нужно видеть только его лицо... потому что я видела сон... а он кажется мне правдивее действительности.

Сламота слушал молодую женщину с все более и более возрастающим изумлением. Все, начиная с того, что она действительно угадала его мысль, и кончая ее горячим убеждением в невиновности мужа, несмотря на все улики против него, окончательно сбили его с толку, и он сам чувствовал, как сомнение в чем-то таком, в чем он побоялся бы сознаться даже самому себе, начало закрадываться в его душу.

А Татьяна Николаевна, молитвенно сложив руки, продолжала:

– Граф! Одной милости прошу у вас именем моих детей, которые будут благословлять ваше имя, помогите мне увидеть его!

Она опять упала на колени.

В эту минуту неожиданный порыв ветра пробежал по деревьям, и вершины их грозно зашумели, словно негодуя на кого-то.

Сламота опять поднял Краеву.

– Пойдемте! – глухим голосом сказал он, повернувшись к дому. Сомнение бог знает в чем и отчего росло в душе до степени нервной тревоги.

Солнце задвинул край дождевой тучи, и в парке стало темно.

Ветер шумел по верхушкам сосен и берез.

Они шли молча.

Горе лишает рассудка

Сламота вышел на прогулку без чаю, немного взволнованный.

Рана, нанесенная Шилову в грудь, оказалась далеко не такой пустячной, как сперва предполагал доктор.

Конечно, нечего было и думать о каких-нибудь роковых последствиях, но все-таки у больного открывалась маленькая лихорадка, и врач объявил, что он должен пробыть в постели несколько дней.

Граф любил Шилова, как родного сына. И это несчастье, происшедшее с ним, отразилось сильно на его моральном состоянии.

Сегодня, какой-нибудь час назад, между ним и раненым, когда он зашел к нему узнать о здоровье, произошел довольно неприятный разговор.

– Я не перенесу этого, граф! – сказал Шилов.

– Чего?...

– Этого сознания причиненного вам убытка.

– Но Боже мой! Разве вы виноваты?...

– Несчастный всегда виноват.

– Полноте.

– Нет, нет, граф, не говорите!.. Эти сто тысяч, если они не найдутся, если преступник или его сообщники, а может быть и сообщница, жена его, не захотят возратить вам... мне ничего не остается, как подвести последний итог наших счетов с вами...

Шилов отвернулся к стене и замолчал.

Старик знал твердый и энергичный характер своего управляющего и поэтому в последних словах его услышал намек, заставивший его содрогнуться.

– Дмитрий Александрович! – сказал он, потом подумал минуту и вдруг, тяжело дыша, сказал: – Дмитрий! Если уже так... если тебя так заботит этот пустяк, то вот же, что я тебе скажу. Знай, что большая часть моего состояния после смерти моей принадлежит тебе и ты потерял не из моих, а из своих денег.

По мере того как граф говорил это, впервые называя Шилова на «ты», лицо последнего делалось все бледнее и бледнее... И вдруг от слабости или от чего другого локоть его подвернулся, и он со слабым стоном упал на подушки.

Сламоте показалось, что он умер.

Старик вскочил, хотел кинуться к звонку, но раненый вновь открыл глаза и слабым жестом остановил его.

– Ничего! Это так! От слабости!.. – прошептал он... – Пройдет!.. Уйдите... оставьте меня на несколько времени одного... что, что вы сказали?... Я... – Шилов, видимо, делал над собой какие-то страшные усилия, он боролся со слабостью... и, к удивлению графа, стал побеждать ее. По крайней мере, лицо его из бледного вновь окрасилось. Теперь он лежал неподвижно, нахмутив брови и глядя пристально в одну точку.

Граф, увидя эту перемену и решив, что это волнение было естественным следствием его слов о наследстве, сам нашел, что лучше оставить больного на несколько минут в покое.

Но едва он вышел, едва его шаги замерли за поворотом из коридора в парадную залу, больной сел на постели и, схватив голову руками, долго не отнимал их и только качался из стороны в сторону, словно человек, страдающий зубной болью.

Граф вернулся через полчаса.

Больной лежал уже совершенно спокойно... Демонически красивое лицо его имело уже обыкновенное выражение, но зато лицо графа теперь было бледно и встревоженно.

– Вас зачем-то хочет видеть жена Краева, – тихо сказал он, подходя к самой постели, – она тут, за дверью...

– Что же ей нужно? – удивился Шилов.

– Странная женщина! Я и сам не знаю, чего ей нужно... даже, может быть, и она сама не знает, но она валяется в ногах, чтобы допустили к вам. Она говорит, что хочет что-то сказать вам и в то же время сама хочет в чем-то убедиться. Вернее всего, она хочет услышать из ваших уст, что среди нападавших был и ее муж. В ее положении, естественно, потеряешь голову. Надо вам сделать эту уступку для несчастной.

– Для несчастной?! – воскликнул Шилов, и темные, мрачные глаза его сверкнули, как у волка. – Для несчастной?! Нет, она не несчастная, она сообщница преступления... она-то и есть укрывательница денег... она...

– Тише! – шепнул было граф, но в это время дверь отворилась и на пороге показалась Татьяна Николаевна, трепещущая, но тоже сверкающая глазами.

Она слышала, что говорил про нее Шилов, потому что он говорил громко, а граф полупшепотом, она слышала все от слова до слова.

Вот шаг, еще шаг, еще, и Краева остановилась у постели раненого.

– Ты говоришь, что у меня скрыты деньги? – спросила она хриплым голосом. – Ты говоришь это!.. А!.. Теперь все ясно. Я гляжу в твои глаза и вижу твою преступную душу!.. Ты!.. Ты... сам украл эти деньги!..

Сказав это, Краева пошатнулась и как сноп упала на пол.

Граф кинулся к ней, потом нажал кнопку звонка, а Шилов каким-то странным холодным тоном, вовсе не гармонирующим с его сверкающими глазами и бледностью, сказал:

– Вы пустили, ваше сиятельство, ко мне сумасшедшую.

Приезжие

Прошло три дня после описанной сцены.

Татьяна Николаевна лежала у себя на даче в нервной горячке.

На этот раз, однако, граф Сламота принял самое живое участие в ужасающей семейной драме.

Доктор и две сиделки окружили больную, вновь нанятая няня была около детей.

Сам граф каждый день посещал окраинную дачку.

Он положительно не мог разобраться теперь в своих чувствах.

Они метались между Шиловым и этой несчастной женщиной.

Граф даже строго заметил первому, что тот напрасно обозвал Краеву укрывательницей, потому что он, Сламота, уверен в противном. Если муж негодяй, не всегда жена должна быть его сообщницей.

Шилов согласился с этим и выразил полное сожаление в поступке, объяснив его своим болезненным состоянием.

Тем временем, пока на даче Краевых все более и более осложнялась так ужасно начавшаяся драма, в одном из дачных поездов приближались к здешней станции двое путешественников, мужчина и девушка лет двадцати.

Последняя была стройная, красивая брюнетка, мужчина – с приятным открытым лицом, блондин.

Они вели тихий, но горячий разговор. Казалось, он возобновился после долгого молчания и представлял окончание тех бесед, которые они вели в течение дальней дороги.

– Ты знаешь, – говорила девушка, – я люблю Таню так, как никого, кроме тебя, не любила на свете, и вот ты видишь, что я вся дрожу, когда разгадываю смысл этой телеграммы, думаю, что с ней случилось!.. Это такая несчастная женщина и вместе с тем такой честный и хороший субъект, что ее несчастье мне близко, как мое личное...

– Успокойся, Анна, ради бога успокойся, – говорил ее спутник, – побереги свои силы для того, чтобы стать с действительностью лицом к лицу. Преждевременные предположения – только напрасные терзания... Поговорим пока лучше о другом.

– О чем же?

– Да хотя бы о том, когда мы назначим нашу свадьбу, как устроимся на первое время.

– Какой ты эгоист, Андрей!.. Ты хочешь говорить о счастье за несколько станций до места, где Таня, может быть, гибнет...

Оба замолчали.

Поезд мирно громыхал, мимо окна вагона, кружась и танцуя, мелькали стволы жиденького березового молодняка...

Пора, однако, объяснить, что путешественниками были: Анна, вызванная телеграммой Татьяны Николаевны, а ее собеседник и спутник – молодой петербургский адвокат, ездивший в уездный город, где жила Анна, в отпуск к старухе-матери. Звали его Андрей Иванович Смелский. Там молодые люди познакомились, там вспыхнуло в них взаимное чувство, и в скором времени уже готовилась их свадьба, если бы не помешала ей эта телеграмма, на призыв которой Анна поспешила, забыв все остальные свои дела и соображения.

Между нею и Татьяной Николаевной существовала та хорошая женская дружба, примеры которой хотя и редки, но зато истинно достойны этого названия.

Татьяна в два последние приезда Анны ближе познакомилась с сестрой, которую раньше слабо помнила такою же малюткой, как и себя. Анна много слышала о сестре Тане, проживающей своим трудом в Петербурге и, по отзывам всех знавших ее, воплощавшей собою лучший тип одинокой женщины-труженицы.

Анна была немного экзальтированное существо. Она много читала; многому сама научилась в своей крошечной комнатке дома тетки, и в конце концов у нее явилось страстное желание вступить на стезю какой-нибудь полезной живой деятельности.

Она решила сначала поступить на акушерские курсы, а потом мечты уносили ее выше, указывая на поприще врача-женщины.

За последнее время Анна поглотила массу медицинской премудрости и чувствовала к этой науке особенное влечение не потому, чтобы она сама собою удовлетворяла запросам ее вкусов, но потому, что дальнейшая ее деятельность казалась ей такой блестящей, такой героической!

Со Смельским Анна сошлась очень просто.

Он понравился ей с первого взгляда; в тот момент, когда он выступил защитником в местном суде по какому-то земельно-крестьянскому делу.

Он говорил сильно и искренне. Это был не дебют краснбая, а речь человека, глубоко сочувствующего горю ближнего.

Анна стала искать случая познакомиться с ним и нашла его легко, благодаря тому, что тетка ее и старуха Смельская оказались давнишними хорошими знакомыми.

Тетка поняла замысел Анны и решила, что ей пора и действительно позаботиться о замужестве. Может быть, тогда Анна и выкинет из головы всю эту книжную дурь.

Два месяца провели молодые люди в обменах мыслями и чувствами; но вот наступила весна, дунуло ароматом молодой листвы и первых цветов, и сердца их не выдержали.

Состоялось обычное объяснение, и новая пара влюбленных стала ожидать случая соединиться навеки под брачными венцами.

Но вот и день был уже назначен, как вдруг прилетела эта странная и ужасная телеграмма от Тани, и Анна бросилась на призыв сестры. Вагон громыхал, поляны и кусты по-прежнему мелькали мимо его окон, но теперь уже было близко.

Поезд подъезжал к станции, где жила Таня. Лицо Анны было взволнованно и задумчиво. Смельский тоже молчал.

Наконец и станция, поезд закрипел тормозами и остановился.

Взяв несколько пакетов и чемодан, Анна направилась по адресу, а Смельский решил остановиться у старого приятеля своего по университету, Шилова, нынче ставшего управляющим у графа Сламоты.

Этого Шилова Смельский всегда считал за ловкого, но умного и честного малого. Его немного потребительский взгляд на жизнь находил со стороны Смельского свое оправдание в неодолимом веянии времени, против которого решиться идти могут только люди неблагоразумные, собственной рукою решившие устроить свою гибель.

Это были слова Шилова, часто повторяемые в приятельских беседах, и Смельский в конце концов согласился, что Шилов прав.

«На всяком поприще можно быть честным, – говорил Шилов. – Всякие идеалистические градации, что безусловно хорошо и что безусловно худо, являются бреднями».

Теперь, проезжая по парку к сламотовской вилле, все это припоминал Смельский, и ему искренне хотелось скорей увидеться с человеком, который всегда производил на него такое глубокое впечатление своей неотразимой логикой.

Он даже завидовал немного Шилову, втайне считая его гораздо умнее и даровитее себя.

Парк окончился, и показался сламотовский дом.

У друга

Шилов еще накануне встал с постели и занялся обычными делами.

Вид, однако, у него был не совсем еще здоровый. Лицо было бледно и имело какое-то угрюмое выражение. Впрочем, после болезни многие люди выглядят так.

Он сидел теперь в своем кабинете, проглядывая счета, присланные ему из других имений графа. В открытое окно врывался легкий ветерок теплого утра.

Шилов, казалось, был весь поглощен своей работой и потому не сразу даже заметил тихо вошедшего лакея с визитной карточкой на подносе. Машинально взяв у него карточку, Шилов, однако, лишь взглянул на нее, как угрюмое выражение лица его изменилось.

Он вскочил с кресла и, быстро спросив, где этот господин, вышел из кабинета навстречу.

Через минуту Смельский и Шилов пожимали друг другу руки, причем последний повторял:

– Как я рад, что ты приехал, Андрей! Вот удружил! Спасибо.

И, обняв гостя за талию, он ввел его к себе в кабинет.

Смельского главным образом поразил кабинет его старого друга. Все в нем было так роскошно и изящно, что молодой адвокат несколько дольше, чем следовало при первой товарищеской встрече, остановил взоры на некоторых вещах.

Шилов сам придвинул гостю кресло и пустился в расспросы, как он поживает, как устроился.

Движения Шилова были, как заметил Смельский, чересчур отрывисты, слова и тон, несмотря на попытку быть любезным, деланны, а лицо исхудало и бледно, только и жили на нем своим обычным красивым блеском таинственные темные глаза, знакомые Смельскому еще с университетской скамьи.

– Что с тобой? – спросил он. – Ты как будто нездоров, похудел, побледнел?

Тень пробежала по лицу Шилова, и оно сделалось еще мрачнее, и еще угрюмее блеснули его глаза.

– А, много неприятностей! – махнул он рукой. – И не только неприятности, даже целая беда, брат, стряслась со мною.

– Что такое? Какая беда?

Шилов изобразил на лице нерешительность, казалось, он раздумывал, рассказать другу про эту беду или умолчать.

Но вот сверкнула улыбка – тоже странная, тоже немного мрачная, и он решился.

– Да неужели ты не читал в газетах?

– Когда?

– Сегодня, вчера!

– Что?... Нет, я вот уже три дня не видел газет, я занят был совсем другим, у меня тоже, хотя и косвенно, но тоже неприятное дело... с родственницей моей невесты. Ну, да это я тебе потом расскажу. А что с тобой? Вероятно, выдающееся что-нибудь, если ты попал в газеты.

– Да, Смельский, – мрачно ответил Шилов, – даже чересчур выдающееся... Вот погляди. – Он раскрыл рубашку, где виднелась забинтованная грудь, а потом показал и порезы на руках, залепленные пластырями.

– Да! Да! Я и хотел спросить тебя, что это значит...

Шилов подробно рассказал о нападении на него в парке и в заключение назвал фамилию преступника.

Но лишь только он произнес ее, как Смельский вскочил с кресла и с ужасом спросил:

– Неужели Краев?

– А что же такое? Разве ты знаешь его?...

– Моя невеста сестра Краевой, последняя вызвала ее телеграммой, и мы только что с поезда: она поехала туда, а я к тебе, потому что я не знаком еще с Краевыми.

На этот раз лицо Шилова приняло изумленное, почти испуганное выражение.

Несколько минут свет и тени боролись на его лице, и наконец он «сделал улыбку», отрывисто сказал:

– Какое ужасное совпадение...

– Да, ужасное! – подтвердил Смельский. – Но скажи, пожалуйста, что же побудило этого человека на такой шаг?

– Нахождение у меня в кармане такой суммы, как сто тысяч.

– Как же он мог узнать про это?

– О, братец, если вор захочет украсть, он всегда сперва узнает, где это сделать удобнее.

– Но ведь он чиновник, как я слышал, кандидат университета. Я, знаешь, даже помню эту фамилию, но только он был старше меня и тебя двумя курсами и на филологическом.

– Да-да! – ответил Шилов. – Может быть.

– Но такой негодяй!

Шилов пожал плечами:

– С голоду? Он больше дурак, чем негодяй, что ввязался в шайку грабителей, которые даже не догадались убить ограбленного, как я потом рассуждал, это так глупо было сделано, как нельзя глупее. Неужели у того, который оцарапал мне грудь ножом, не хватило ловкости воткнуть его поглубже? А другие? Чего же они разбежались как бараны?

– Полно, Дмитрий Александрович, ты говоришь это таким голосом, будто в самом деле жалеешь, что не убит.

– Оно так и есть!

Смельский с изумлением взглянул на него.

Лицо Шилова было опущено, и виднелся только лоб с взбучившейся жилой и мрачной складкой, а усы торчали вверх около щек острыми толстыми иглами.

– Если бы они убили меня, – продолжал Шилов, – мне бы не пришлось так страдать, как теперь.

– Но почему же?

– А ты думаешь, сто тысяч недостаточная причина, чтобы терзаться об их исчезновении, разве это не может, несмотря ни на какие доводы фактов, поколебать отношения мои с графом? Да, наконец, разве за часть, в сто раз меньшую, не лишают себя люди жизни, в особенности такие бедняки и труженики, как мы с тобой?

– Ну, уж это нет!

– О, брат, обстоятельства заставят, и ты скажешь да! Деньги, брат, сердце жизни, что-нибудь случится с ними, и весь человеческий организм на волоске от смерти. Жизнь без денег – медленное трупное разложение.

Смельский не согласился в принципе, но понимал, что его другу, должно быть, и в самом деле тяжело, потому что как бы там ни было, а он является хотя и невольной, но все-таки причиной утраты графом такой крупной суммы.

«Но боже мой! Какое страшное совпадение, – думал он, – муж сестры Анны вор и разбойник? Как подействует это на Анну и что там вообще происходит, в этом злополучном доме?»

Смельский почувствовал необходимость сейчас же отправиться к Краевым и разузнать все в подробностях.

Он взялся за шляпу и обратился к Шилову с такими словами:

– Я сейчас пойду туда, Дмитрий, но надеюсь на твое гостеприимство на несколько дней.

– С удовольствием! – ответил Шилов. – Я тебя познакомлю с графом, и он, вероятно, как моего знакомого, сочтет тебя и своим гостем. Мы тебе отведем помещение внизу, оно и предназначено для гостей.

– Спасибо! Но мое-то положение каково теперь? – сказал Смельский, поднимаясь.

– Да, понимаю, незавидно, – ответил Шилов.

– Ужасное! Я не знаю, как и глядеть на эту мадам Краеву. Мне все будет казаться, что она сообщница мужа.

Шилов криво улыбнулся:

– И ты уж прости меня, я тебе скажу правду. Эта мадам Краева мне сильно кажется соучастницей, да иначе и быть не может: при той мещанской жизни, какую они вели, жена не может не быть сообщницей мужа хоть в какой-нибудь степени.

– Я просто не знаю, идти ли даже туда? – спросил Смельский. – Я не могу кривить душой и быть в том обществе, где будут разыгрывать несчастных и прятать свою злоумышленность... Ты говоришь, деньги найдены при нем только в количестве пяти тысяч облигациями...

– Да! – грустно, но утвердительно качнул головой Шилов.

– Стало быть, ясно, что остальные он скрыл.

– Да.

– Знаешь, это чудовищно!

Смельский пожал плечами и потом, проведя рукой по своим пышным курчавым волосам, опустил голову.

– Мне теперь предстоит задача вырвать оттуда мою невесту... – задумчиво сказал он.

– Я бы тебе советовал это сделать поскорее! – внушительно заметил Шилов.

Взволнованный Смельский пожал руку приятеля и в сопровождении его спустился с лестницы.

Он шел по аллее задумчивый, мысли его были тревожны.

Есть факты в быте человеческом такие странные, такие диссонирующие с обыденностью, что при встрече с ними получается и чувство какое-то странное, которому нет названия и характеристики.

Смельский чувствовал нечто подобное.

О Краеве он слышал, как о великольном человеке, как о труженике и хорошем семьянине. Такое мнение о нем он составил себе из писем Татьяны Николаевны к Анне, которые последняя читала ему.

Он составил характер человека в самом хорошем смысле, и вдруг тот покусился на грабеж, а она, эта женщина, которую так любила и уважала Анна, оказалась сообщницей гнусного преступления.

Смельский в конце концов не знал, что и думать.

Одно теперь ему хотелось: как можно скорее прийти туда и собственными глазами сделать наблюдения.

Он комкал в руках обрывок письма Краевой с тем местом, где она несколько недель назад извещала Анну о переезде на дачу и приписывала адрес.

«Но бог знает, – продолжал он думать, шагая по широкой тенистой дороге парка, – может быть, этот тихоня Краев, этот по виду превосходный человек, скрыл и от жены своей замысел и хотел скрыть и самое преступление?»

Недаром говорится, что в тихом омуте и водятся черти...

Есть такие люди! Может быть, это и так, – старался он себя успокоить, – может быть, несчастная женщина и не виновата ни в чем, да и Дмитрий не прав со своими подозрениями и на нее? Увидим!»

Он еще прибавил шагу и вскоре вышел из парка в дачную местность.

Пройдя несколько по улице, где домики стояли рядом, утопая в листве садов, он свернул на заднюю линию и стал спрашивать дачу, означенную в адресе.

Двое мужиков, показывавших ему сперва направление, по которому он должен идти, не выразили никакого удивления, но зато попавшаяся франтоватая горничная выпучила на него глаза и, прежде чем ответить, пристально оглядела с ног до головы.

А потом, когда они уже разошлись, много раз подряд оглядывалась, пока не свернула за угол.

Сестры

Подъехав к даче, Анна увидела в садике детей и с ними толстую, очень почтенного вида няньку, такую, какие бывают около детей богатых аристократических домов.

Тут же, около них, сидел на скамейке старик в белом чесучовом² костюме и соломенной панаме.

Он разговаривал со старшим мальчиком, и тот, видимо, был доволен этой беседой и ничуть не дичился старика.

Он помнил Аню по прошлогоднему приезду и поэтому, как только она появилась у калитки, указав на нее, крикнул:

– Тетя Аня приехала!

Старик взглянул на входившую молодую девушку и, почтительно приподняв шляпу, встал со скамьи, Анна невольно остановилась перед этим великолепным стариком, наружность которого была так красива и изящна.

Но это был только миг, затем она ответила поклоном и быстро прошла через крыльцо в дачу.

На нее пахло лекарствами, а из комнаты налево высунулась голова сестры милосердия в белой накидке.

Она, словно хозяйка этого дома, спросила у Анны, что ей угодно.

– Где Таня? Татьяна Николаевна? Я ее сестра!

– Ах вот что! – ответила сиделка. – Сестра ваша больна... Она теперь в забытии... Впрочем, не тревожьтесь, ей сегодня получше. Она уже перенесла кризис.

– А Павел Павлович где?

– Я никакого Павла Павловича не знаю.

– Муж Татьяны Николаевны.

– Не знаю.

– Он уехал разве куда-нибудь?

– Не знаю!

Анна пожала плечами и хотела уже выйти в сад, чтобы хоть у кого-нибудь добиться толку, когда ее окликнула из двери, ведущей в кухню, девочка, раньше смотревшая за детьми.

– Барышня! Барышня! Пожалуйста сюда!

Анна невольно двинулась на этот зов.

– Здравствуйте, Анна Николаевна! – сказала девочка. – Вы барина спрашиваете? Ах, барышня, если бы вы знали, что случилось! Барина ведь в полицию взяли. Барин украл деньги у сламотовского управляющего...

Анна совершенно опешила и долго, вероятно, не добилась бы толку и не поняла ничего, если бы тот старик, который сидел в саду с детьми, не появился на пороге и не сделал ей почтительный и в то же время многозначительный знак последовать за ним в садик.

Анна невольно повиновалась этому жесту, потому что в нем было нечто повелительное, а лицо старика – серьезное-пресерьезное.

– Позвольте вам рекомендоваться, – сказал старик, – Виктор Казимирович Сламота.

– Очень приятно, граф! – сказала Анна, но испуганным, дрожащим голосом и тотчас же прибавила: – Ради бога, объясните мне, что с моей сестрой и с зятем?

– А, вы сестра госпожи Краевой! Сядемте немножко, поодаль вот тут, мне очень жаль, что мне именно, а не кому-либо другому, приходится объяснять вам то, что тут произошло.

---

² Чесуча – род ткани из особого вида шелка.

Но, понимая, что никто, кроме меня, этого сделать не может, я считаю долгом передать вам следующее.

И старик вкратце, но ясно и точно передал все, что было известно ему самому.

По мере углубления в подробности лицо Анны бледнело все более, потом оно вспыхнуло, слезы брызнули из глаз и она, выхватив платок, зарыдала, шепча:

– Бедная Таня! Бедная!

Сламота опустил голову.

Он рассказал все, касающееся печального факта, но не объяснил молодой девушке, почему он сам, потерпевший, тут, около жены его грабителя. Да и Анне даже в голову не пришло спросить это, ей казалось, что этот старик и должен быть тут, это его обязанность, потому что недаром же она слышала про него столько хорошего.

Вдруг Анна отняла руки от лица и спросила:

– Но, граф, как это он мог сделать? Как он мог решиться на это?!

В голосе ее прозвучала мольба, требующая объяснения этого вопроса во что бы то ни стало, как будто Сламота и в самом деле мог объяснить что-нибудь.

Есть личности, один вид которых в минуту недоразумений, случайностей и несчастий невольно останавливает на себе внимание всех, и все ждут от них спасения и совета.

Одним из таких людей был и Сламота. Его внушительная наружность, его симпатичное старческое лицо – все внушало к нему доверие, и Анна была убеждена, что от него только, от него одного она получит и разъяснение этому ужасному факту, и облегчение той участи, в которую теперь повергла судьба семью сестры Тани. Но что же мог сказать Сламота, когда он сам знал только один голый факт, а все детали приводили его в неменьшее замешательство.

Еще присутствуя при сцене между Шиловым и Краевой, он содрогнулся от ужаса, так сильно и страстно было брошено в лицо его управляющего это темное обвинение.

Слова Краевой и теперь звучат в ушах старика, он и теперь видит ее позу.

И к великому страху своему и смущению, он чувствует душою, что если Краева и не права в своей лаконической форме обвинения, то все равно тут кроется какая-то адски закрученная тайна.

Он сам потерял голову.

Он не знал, на что решиться, куда направить свои симпатии и обвинения.

Чаще всего он прибегал к голосу рассудка, долженствующего, как и суд, опираться на неопровержимые факты, но душа его ныла каким-то болезненным предчувствием, отводила его от фактов и вела в область своих личных ощущений, где он окончательно и терялся.

Но видно было, что перевес последних был значительно доводов рассудка, потому что втайне он решился следить за «несчастной женщиной», и, когда получил известие о ее болезни, не мог удержаться от самого деятельного вмешательства во всю эту драму.

Теперь, стоя лицом к лицу с Анной, этой стройной, прекрасной девушкой, так жутко встревоженной, с такими горькими слезами спрашивающей у него: «Как это все могло случиться?» – Сламота ответил, что мог.

И этот ответ был короток:

– Не знаю, сударыня, не знаю!..

Опустил голову и развел руками.

– Но когда же это произошло?

Старик с трудом припомнил и назвал день.

– Одно... – начал вдруг задумчиво Сламота и потер лоб, как бы собираясь с мыслями, – одно мне кажется возможным для оправдания вашего родственника – это то обстоятельство, что он не был один, что он, очевидно, по легкомыслию принял участие в шайке негодяев, хотя это слабое оправдание, но слава богу, что и оно есть... В руках хорошего адвоката оно может иметь решающее значение для судьбы прес... обвиняемого, – поправился почему-то Сламота.

При слове «адвокат» Анна вздрогнула, она теперь только вспомнила про Смельского, который поехал к управляющему графа потому, что он был его университетским товарищем.

Но если он поехал к управляющему, то, значит, к нему, к этому самому пострадавшему, к этому ограбленному мужем Тани.

И мысль о предоставлении защиты Краева Смельскому показалась ей несбыточной.

Конечно, ради любви к ней, к Анне, он, может быть, и согласится на это, но разве она сама посмеет предложить ему защиту человека, который оказывается заведомым негодяем...

Разве она простит себе потом эту просьбу, разве Андрей не будет иметь права упрекнуть ее, говоря, что он ценою своей чести спас от позора «семью ее сестры».

«Нет, это невозможно!» – мелькнуло было у нее в голове, но потом она сообразила, что, наоборот, это вовсе не то, что она думает, сам граф говорит, что адвокат может смягчить участь обвиняемого, потому что он попал в шайку по легкомыслию, может быть, по жестокой бедности, ради нужд горячо любимой семьи. О, в таком случае никто другой, кроме Андрея, не должен выступить его защитником.

И она, подняв голову, переспросила графа:

– Вы думаете, хороший адвокат может тут помочь?

– Да, конечно, и я найду его! – просто отвечал старик, как будто дело это касалось ближе всего его самого.

Даже в эту минуту хаоса мыслей и ощущений Анна с удивлением взглянула на него.

Теперь только она поняла, как добр и честен он, этот более всех пострадавший в страшном деле человек.

– Не надо! Дорогой граф! Не надо! – с чувством схватила его за руку Анна. – У меня есть такой человек, это мой жених, адвокат Смельский.

– Смельский? Это хотя и молодой, но очень хороший адвокат, – сказал Сламота.

– Но... – начала было Анна и остановилась.

– Что вы хотите сказать?

– Но он друг вашего управляющего. Он и теперь, привезя меня сюда, отправился прямо к нему на квартиру.

Немного озадаченный этой неожиданностью, граф тотчас ответил, однако:

– Что же такое? Это ничуть не мешает их дружбе, и я уверен, что господин Шилов настолько честный человек, что он не помешает ему облегчить судьбу семьи преступника, каков бы он ни был.

И Анна согласилась с этим доводом. В это время сиделка вышла в сад и, подойдя к графу, доложила ему, что больная пришла в себя.

– А, – сказал Сламота, – теперь вы можете пойти к вашей сестре, я думаю, что ваше присутствие принесет ей большую пользу, чем мое, а я пойду домой сделать кое-какие распоряжения насчет ванн, которые предписал доктор для вашей сестры.

– Спасибо вам, добрый!.. Бог наградит вас... – поклонилась ему Анна и бросилась к дому, но потом пошла тихо, крадучись на носках, и скрылась в комнате больной.

В то время когда граф, задумчиво нахлобучив свою панаму, вышел за калитку дачи, к этой последней быстрыми шагами приближался Смельский.

Проходя, он заметил видную фигуру старика и даже несколько раз оглянулся ему вслед, так как тот вышел как раз из той дачи, куда ему сейчас надлежало войти.

Но Сламота не заметил молодого адвоката.

Мысли его были слишком смутны и далеки от всего окружающего.

Первый раз в жизни на душе его было так скверно, а почему – он и сам не мог дать себе отчета.

Любовь и долг

– Подождите немного! – сказала сиделка. – Я предупрежу сперва больную. Вы говорите: сестра? Хорошо-с.

Анна ждала у притолоки.

Сиделка вернулась и сказала, что Таня опять закрыла глаза и теперь тревожить ее нельзя.

Анна отошла от двери, вернулась в сад и только что хотела подойти к детям, как заметила входящего Смельского.

По лицу его, даже издали, она увидела, что он сильно взволнован.

Она пошла к нему навстречу и потом сделала жест, чтобы он опять вышел за калитку.

Когда они поравнялись на проходной дорожке около дач, Смельский заговорил первый:

– Анна! Я умоляю вас! Сейчас же уезжайте из этого дома! Тут нехорошо! Вы простите меня, они ваши родственники, но...

– Я знаю, что произошло тут! – гордо отвечала Анна и вызывающе прибавила: – И ради негодяя мужа ее я не оставлю без помощи умирающую сестру мою. Не об этом ли вы хотите просить меня?

– Но, Анна...

– Я сказала, и решение мое бесповоротно, господин Смельский, – еще более вызывающе ответила девушка.

– Но вы мне не даете даже говорить, и что значит этот тон? Разве я лично в чем-нибудь провинился перед вами?

– Вы провинились всеми словами, которые сейчас говорили, а главное, их общим смыслом, заключающим в себе ваш совет.

Смельский даже изменился в лице.

Горячо любя Анну, он, конечно, был не только смущен, но испуган этой переменой отношений к нему. Он не знал, что и подумать.

– Простите, Анна, но позвольте же мне привести мои доводы, на основании которых, может быть, вы и перестанете говорить со мною таким строгим голосом.

– Я слушаю.

– Я сейчас только был у своего товарища Шилова. Оказывается, что все дело в том (как это не дико!), что он ограблен Краевым и его сообщниками.

– Я повторяю вам, что я все это знаю! – сказала Анна. – Мне рассказал уже все эти ужасные подробности граф Сламота!

– Не тот ли старик, которого я встретил?

– По всей вероятности, да, потому что, когда вы вошли, он только за минуту перед тем вышел.

– Стало быть, вам все известно.

– Все.

– И вы решаетесь остаться в доме, над которым висит эта туча позора и которая должна забрызгать грязью всех, в нем находящихся?

– Без фигурности слога! – едко ответила Анна.

– Я понимаю, – продолжал все более и более теряющийся в догадках Смельский, – если бы дом этот посетило какое-нибудь общечеловеческое горе, я сам первый посоветовал бы вам во всю ширь открыть ваше доброе сердце для помощи, да и сам я раньше вас сделал бы все зависящее, а тут... Тут, Анна, вы знаете что?... Тут даже соприкосновение опасно... Тут, простите меня, пахнет сделкой между женой и мужем, которой хотят одурачить и правосудие, и родных, и всех доверчивых людей.

Анна слушала эту тираду, и глаза ее загорались, а щеки бледнели.

Смельский взглянул на нее и невольно содрогнулся от действия своих слов.

– Анна! – сделал он шаг к ней, кладя обе руки на грудь. – Простите меня, но ведь я говорю правду, ограждая вас, дороже которой я не знаю ничего для себя на свете.

Этот искренний порыв любимого человека разразил собиравшуюся грозу.

– Вы не смеете этого говорить! – тяжело дыша, только и сказала Анна и вдруг расплакалась.

– Что же мне нужно делать, Анна? – продолжал Смельский, тихонько дотрагиваясь до нее. – Не плачьте!.. Я не могу видеть ваших слез!.. Приказывайте!.. И я все исполню!

Анна быстро отняла руки от лица.

– А! Приказывать? Так слушайте! Я не только запрещаю вам говорить то, что вы сейчас сказали про мою бедную сестру, но и думать это! Вы должны заняться этим делом и выступить защитником Краева. Вы должны собрать все данные для его оправдания, если оно возможно, или хоть для смягчения приговора над ним.

– Но разве это возможно! – воскликнул молодой адвокат. – Ведь он же пойман с поличным.

– Прекрасно! Ищите смягчающих мотивов и обстоятельств. Слышите! Делайте все, что возможно, если вы меня любите!..

Анна вся трепетала, говоря это, но теперь ее глаза, устремленные на Смельского, блестя уже не упреком или оскорбленным самолюбием, а тем знакомым чудным мерцанием, которое с первого раза покорило сердце молодого человека.

Анна протянула Смельскому обе руки. Они были холодны и дрожали.

– Делайте все, что возможно, верьте моему чувству, Андрей Иванович, оно никогда не обманывало меня. Таня не причастна к этой страшной драме... да какой-то тайный голос шепчет мне, что этот несчастный Краев – тоже какое-нибудь слепое орудие... Но я не защитник по профессии, я не присяжный поверенный тайн преступника, а все это – вы и вы должны выпытать у него из души все эти тайны и на них построить свою защиту.

Щеки Анны вспыхнули.

Смельский чутко слушал ее, слегка наклонив голову, а когда поднял ее, ответил только одним взглядом.

Затем они крепко пожали друг другу руки и уже с другим настроением двинулись по дорожке, ведущей к сламотовскому парку.

Теперь не было уже ни слова сказано про это дело.

Анна расспрашивала только про Шилова и заставила Смельского воспроизвести и встречу их, и весь разговор.

Далее она решила, что останется у сестры, а он пусть остается у Шилова.

– Это немного неловко! – сказал Смельский. – Я думаю взять тут на даче комнату, тем более что, не будучи знаком с графом Сламотой...

– О! Познакомьтесь с ним! – воскликнула Анна. – Это наилучший из людей в мире... Вот истинный человек, этот старик... Ведь как ни судите, он один наиболее чувствительно пострадал от этого случая, ведь его сто тысяч пропали, а он сам же первый пришел в семью похитителя, и не будь его, бедная Таня умерла бы без помощи... Вот это человек... Побольше бы таких людей...

– Да, – задумчиво ответил Смельский, – это хороший поступок!..

Они вошли под тенистые ветки парка.

Пахнуло густым запахом березовой и сосновой смолы, прохладой.

Неподалеку виднелась скамья.

Молодые люди сели на нее, и оба задумались.

Несколько минут царило молчание и тишина, только время от времени прерываемая шепотом листьев или каким-нибудь странным, необъяснимым звуком из глубины чащи, которыми изобилует всякий лес и от которых каждый раз путник пугливо вздрагивает.

– Знаете что? – вдруг вскрикнула Анна и даже поднялась со скамьи. – Познакомьте меня с этим Шиловым, с этим героем драмы.

– Это зачем? – вздрогнув даже, спросил Смельский и почувствовал вдруг такое что-то, что он не мог и назвать себе словами; это было ощущение мистическое, это был ужас перед чем-то, на минуту таинственно выглянувшим на него из мрака будущего.

И отвратительно безобразно было это что-то.

– Для чего? – повторил он.

Но Анна не заметила его волнения, она сообразила что-то и тотчас же перерешила.

– Нет, не теперь, я еще переговорю с Таней.

«Для чего вам видется с Шиловым?» – хотел было еще раз спросить Смельский и вдруг устыдился этого вопроса.

Анна свободна знакомиться с кем ей угодно.

Разговор, который приводит Анну в окончательное недоумение

С этого дня решено было между Анной и Смельским устроиться так.

Он поедет в Петербург для свидания с заключенным и там останется жить, а приезжать в Сламотовку будет только в тех случаях, когда у него найдется что-либо сообщить Анне интересного по делу.

Но Смельский все-таки решил на случай приездов взять комнату у одного из дачников.

Расставшись с ним, Анна медленно и задумчиво пошла к даче сестры. Таня все еще была в забытии. Так ей в этот день и не пришлось видиться и говорить с Краевой.

При этом сиделка, отчасти уже посвященная в семейную драму, посоветовала Анне, если она дорожит здоровьем сестры, отложить не только всякие разговоры, но и само свидание, пока хотя бы часть сил, потраченных в тяжелой болезни, не возвратится.

Анна невольно согласилась с этими доводами и вот несколько дней подряд старается быть незамеченною в доме, играет с детьми, читает или под вечер сидит задумчиво на скамейке под развесистой березой и думает, чем все это кончится и что скажет ей Таня, когда увидит ее.

Прошла неделя.

Татьяне Николаевне делалось заметно лучше, силы возвращались, а с ними вместе и сознание ужаса своего положения.

Когда ей сказали, что уходу за собой и за детьми она обязана графу Сламоте, она горько разрыдалась.

Плач больной доносился сквозь открытое окно в садик, где в углу все продолжала таиться Анна, несмотря на то что выздоравливающая уже много раз осведомлялась, нет ли от нее письма, и даже плакала по поводу ее молчания...

В этот вечер, когда стенания Тани так явственно доносились в сад, маленькая Маня, которую тоже редко пускали к матери, вдруг увидела ее в окне.

Больная встала в отсутствие сиделки и облокотилась на подоконник.

– Мама, мама! – закричала малютка. – У нас тетя, мама! Вон тетя!

Краева высунулась, глянула по указанному направлению, и сестры столкнулись взглядами.

В один миг Анна очутилась в комнате больной и подхватила ее почти на руки, целуя и успокаивая.

Она уложила ее обратно в постель и тогда только рассказала, что она уже давно тут и что она только боялась показаться Тане на глаза из-за предосторожности, которую ей посоветовала соблюдать сиделка.

– Так ты давно тут? Милая! Дорогая! – говорила Татьяна Николаевна, прижимая к себе руки сестры и целуя ее.

Она была так рада, что Анна теперь около нее – единственный человек, перед которым она может излить свою душу. И она, не откладывая в долгий ящик, начала свое горькое повествование.

Она подробно описала вечер ареста, потом все его последствия и, остановившись на последнем воспоминании о посещении Шилова, задрожала вся, и глаза ее опять расширились, как в момент той сцены. Этого Анна еще не знала, и рассказ сестры произвел на нее глубокое впечатление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.